

- Роберт ГОВАРД

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
-

Роберт ГОВАРД

ПОЛЗУЩАЯ ТЕНЬ

...Вернувшись из Афганистана в гибoreйские королевства, Конан присоединяется к восстанию, поднятому принцем Котхом Альмуриком против короля Страбонуса. Восстание было подавлено и мятежное войско беспощадно истреблено на краю пустыни...

Раскаленный воздух волнами поднимался над пустыней. Конан-киммериец провел рукой по потрескавшимся губам и огляделся. Из одежды на нем была лишь шелковая набедренная повязка, да широкий пояс с золотыми украшениями, на котором висели сабля и кинжал. Киммериец стоял, равнодушно снося болезненные уколы лучей нещадно палившего солнца. На руках и ногах виднелись свежие раны.

Обхватив руками колени и низко опустив светловолосую голову, рядом с ним на песке сидела юная девушка, белизна ее кожи резко контрастировала с цветом загорелого тела огромного варвара. Короткая, перехваченная в талии туника без рукавов и с глубоким вырезом на груди скорее обнажала, чем прикрывала ее прекрасное тело.

Конан тряхнул головой, словно хотел избавиться от слепящего солнца. Он приложил к уху кожаный бурдюк, который держал в руке, встряхнул его и услышав слабый плеск, только сильнее сжал челюсти.

Девушка вздрогнула и жалобно простонала:

— Пить! Пить! О Конан! Нам теперь не спастись!

Киммериец не ответил ничего, враждебным взглядом осматривая песчаные дюны. Исподлобья он смотрел на них и такая злоба пылала в его голубых глазах, что казалось — нет у него врага большего, чем эта пустыня.

Конан наклонился и поднес бурдюк к губам девушки.

— Давай, пей! — приказал он. — Пей, пока не остановлю!

Она пила мелкими, жадными глотками, пока не выпила всю воду. И лишь тогда все поняла.

— Ах, Конан, — воскликнула девушка. — Зачем ты это сделал? Ведь я же выпила все! И тебе ничего не осталось!

— Не реви! — прорычал он. — Береги силы!

Конан выпрямился и отшвырнул в сторону пустой бурдюк.

— Ну почему ты не остановил меня, почему? — всхлипывала девушка.

Он даже не посмотрел на нее. Конан стоял, выпрямившись во весь рост, и в его глазах, устремленных в таинственную пурпурную мглу на горизонте, горела ненависть.

Киммериец понимал, что близится смерть, хотя при одной мысли об этом бунтовала вся его дикарская душа. Силы еще были, но он чувствовал, что под этим убийственным солнцем ему долго не выдержать. Девушка же уже совсем обессилела. Так не лучше ли одним ударом сабли милосердно прервать ее страдания? Видеть ее адские мучения, наблюдать, как она медленно сходит с ума от жажды — ведь эти несколько глотков ненадолго ее утолили — о, нет! Из ножен, дюйм за дюймом выползала сабля.

Рука Конана дрогнула. В глубине пустыни, далеко на юге что-то сверкнуло в раскаленном воздухе. «Почудилось, — подумал он со злостью, — очередной мираж, что так часты в пустыне». Конан приложил руку к полуослепшим от солнца глазам, — и ему показалось, что он различает вдали башни, минареты и сверкающие стены. Он недоверчиво смотрел, ожидая, что мираж вот-вот поблекнет и рассеется в воздухе. Натала перестала всхлипывать. Она с трудом поднялась на ноги и тоже взглядалась в мерцающее марево.

— Что это такое, Конан? — прошептала она, боясь спугнуть пробудившуюся надежду. — Город, или мираж?

Киммериец молчал. Он несколько раз моргнул, искоса посмотрел на город, затем вновь прямо — тот не исчезал, не улетучивался, стоял на том же месте.

— Кто его знает, — буркнул он в сомнении. — Так или иначе, стоит на это посмотреть

поближе.

Он затолкнул саблю в ножны, наклонился, и легко, словно перышко, поднял Наталу на руки.

— Не надо, Конан, — запротестовала она. — Я могу идти, пусти меня!

— Смотри, сколько камней! — рявкнул он гневно. — Мигом порвешь! — Он мотнул головой, показывая на изящные, салатового цвета сандалии. — А нам надо спешить, чтобы дойти туда до заката.

Надежда на спасение влила новые силы в стальные мышцы киммерийца. Он бежал по дюнам, словно летел на крыльях. Цивилизованный человек уже давно отдал бы богу душу, но он, варвар, сражался за жизнь словно кошка.

Конан и Натала чудом бежали после разгрома армии мятежного принца Альмурика, этой пестрой орды, которая вихрем промчалась по королевству Шем и утопила в крови северную границу Стигии. После этого орда, уже со стигийской армией на хвосте, вторглась в королевство Куш и в ее пределах была наконец окружена на краю южной пустыни. Армии стигийцев и кушитов соединились и уже не выпустили добычу из капкана. Конан в последний момент поймал верблюда, забросил на него девушку — и был таков. Им посчастливилось, они избежали трагической судьбы своих товарищ, но для них осталась лишь одна дорога — в пустыню.

Натала была родом из Бритунии. Конан как-то увидел ее на невольничем рынке в одном из шемитских городов, захваченных ордой Альмурика, и он не долго думая, тут же присвоил себе понравившуюся ему девушку, не спрашивая ни у кого на то разрешения. Сама она с радостью приняла такой поворот в своей жизни, да и чего ей оставалось ждать? Скорее всего, ее продали бы в шемитский сераль, а для женщин гиборейской эры это было худшим из всех возможных зол.

Конан и его спутница несколько суток подряд не слезали с верблюда — стая стигийцев неутомимо преследовала их по пятам. Когда погоня наконец отстала, беглецам не оставалось ничего иного, как продолжить путь в том же направлении — возвращаться было поздно. Они долго ехали, высматривая оазис, но их спаситель-верблюд в конце концов упал замертво, и им пришлось идти дальше пешком, по колено в горячем песке испытывая жестокую жажду. Девушка была сильной и выносливой, закаленной суровой лагерной жизнью, как мало кто из женщин той суровой эпохи, но и она, как ни оберегал ее варвар, постепенно выбилась из сил.

Адская жара струилась с неба на черную гриву Конана. Тошнотворный туман и тупое безразличие волнами заливали его мозг, но он не поддавался и шел стискивая зубы все дальше и дальше, поскольку теперь знал наверняка, что впереди действительно находится город, а не мираж. Что ждет их там? Новые враги? Кем бы они не оказались, с ними можно будет сразиться и убить. А большего Конану и не требовалось.

Солнце низко висело над горизонтом, когда они остановились наконец в животворной тени огромных городских ворот. Конан с облегчением расправил плечи. Перед ними на высоту не менее тридцати футов возвышались крепостные стены. Зеленоватого цвета, они блестели, словно стеклянные.

Конан пробежал взглядом по верхушкам стен, но ничего не заметил. Он крикнул во всю мощь своих легких — ответом была тишина. Варвар ударил в ворота рукояткой сабли — лишь гулкое эхо отозвалось и тут же утонуло в песках. Натала, напуганная странной тишиной, дрожала словно в лихорадке, а Конан, разгорячившись, навалился всей массой на ворота. Те неожиданно уступили и не издав ни малейшего скрипа, начали открываться. Варвар отскочил, напряженный, как пантера и с саблей наготове прижался к стене, ожидая нападения. Девушка вскрикнула.

За воротами лежал человек. Конан внимательно осмотрел его, затем поднял глаза и увидел просторную площадь, окруженную зданиями, сияющими, как и стены зеленоватым светом. За ними возносились стройные башни минаретов. И нигде не было ни следа жизни. Посреди площади стоял четырехугольный колодец. Ничто иное в тот момент не могло обрадовать Конана

больше. Вспухший, облепленный песком язык еле ворочался в его пересохшем рту. Он подхватил Наталу на руки, скользнул за ворота и закрыл их за собой.

— Он живой? — со страхом спросила девушка, показывая на неподвижно лежащее мужское тело.

Черты лица его были обычны для человека средних лет той эпохи, лишь более раскосые глаза, да чуть более желтая кожа. На нем были пурпурная шелковая туника, ноги обуты в плетеные сандалии, к поясу приторочен короткий меч в ножнах, украшенных золотом, Конан прикоснулся к телу. Оно было холодным, без всяких признаков жизни.

— Даже не ранен, — удивился киммериец, — а мертв, как Альмурик, когда его нашпиговали стигийскими стрелами. Да ладно, хватит об этом. Нам с тобой надо прежде всего напиться. Клянусь Кромом, я осущу весь колодец!

Сделать это оказалось весьма непросто. Зеркало воды блестело в добрых сорока футах внизу, но ни единой веревки, ни подходящей посудины поблизости не было. Разозленный неожиданным препятствием, варвар лихорадочно осматривался по сторонам, пытаясь разыскать хоть что-нибудь, когда до его ушей долетел пронзительный крик девушки.

Конан мгновенно повернулся. К нему бежал, держа высоко над головой меч тот человек, которого он посчитал мертвым. Конан не тратил времени на размышления, его сабля свистнула в воздухе, и голова незнакомца покатилась по каменным плитам. Из шеи, словно сок из перерубленной лианы, ударила струя крови, тело пошатнулось, и все еще с мечом в руке рухнуло на землю.

— Умер ты, наконец? — рявкнул Конан. — Или добавить? Ну что за проклятый город нам попался!

Натала дрожала всем телом, укрыв лицо в ладонях. Она посмотрела на Конана, раздвинув пальцы и снова зашлась в рыданиях.

— Они убьют нас, Конан! Они не простят того, что ты сделал!

— А что я должен был делать? Ждать, пока нас изрубят на куски? — он внимательно осмотрел площадь. По-прежнему вокруг царила тишина, нигде не было ни малейшего движения.

— Ни единой живой души, — пробурчал он успокоенно, ладно, я его спрячу.

Ухватив рукой за пояс, он поднял труп, второй рукой схватил за длинные волосы отрубленную голову и потащил свою страшную ношу к колодцу.

— Мы не можем напиться, — рассмеялся он, — так хоть ты напейся досыта!

Он бросил тело в колодец, швырнув следом голову. Мгновение спустя из темной глубины донесся плеск.

— А кровь, Конан! Кровь осталась! — прошептала девушка.

— Если я сейчас не напьюсь, то кровь польется еще раз, — с угрозой в голосе произнес варвар, который вообще не отличался долготерпением, особенно тогда, когда его мучили голод и жажды.

Девушка со страху и думать забыла о еде, но Конан помнил.

— Пойдем туда, во дворец. Должен же тут быть хоть кто-то живой.

— О, Конан, — она крепко обняла его, пытаясь сдержать дрожь. — Я ужасно боюсь. Это город духов, — духов и трупов! Вернемся в пустыню! Лучше погибнуть от жары, чем от нечистой силы!

— Вернемся в пустыню, как же, — бормотал Конан в гневе, — мы вернемся тогда, когда нас сбросят с этих стен. Я найду воду, пусть даже для этого придется отрубить все головы в этом проклятом королевстве!

— А вдруг у них отрастут эти головы? — ее голос дрожал от ужаса.

— Тогда я буду рубить их, пока они окончательно не отвалятся, — заверил он ее. — Держись

за моей спиной и ни в коем случае не беги без приказа.

— Как скажешь, Конан, — тихо шепнула она.

Натала, смертельно перепуганная, шла так близко за Конаном, что он чувствовал не только ее горячее дыхание, но и к собственному неудовольствию, сандалии, наступавшие ему на пятки.

Сгущались сумерки, наполняя таинственный город пурпурными тенями. Они прошли под аркой и оказались в большом зале, пол и потолок которого были выложены все тем же стекловидным зеленоватым камнем, а стены из того же материала покрывала драпировка из шелковой с фантастическими узорами ткани. На полу устланном пушистыми шкурами, валялись беспорядочно разбросанные атласные подушки. Сквозь дверь в противоположной стене виднелась следующая комната. Они прошли через несколько залов, похожих друг на друга, как две капли воды. Во дворце никого не было, но киммериец подозрительно посматривал по сторонам и что-то бормотал. Он никак не мог отделаться от мысли, что в залах кто-то присутствовал за мгновение до того, как они здесь появились. Вот софа — она еще теплая. На этой подушке еще не разгладилась вмятина — только что на ней кто-то сидел. В воздухе плыл слабый запах благовоний — кто-то тут только что прошел.

Некая аура ирреальности окутывала дворец, казалось он снился Конану в наркотическом сне. Некоторые из залов утопали в абсолютном мраке, в них они не заглядывали, другие были освещены мягким светом, исходящим из драгоценных камней, сверкающих на стенах. Вдруг Натала вскрикнула и судорожно вцепилась в плече Конана. Он мгновенно отшвырнул ее и повернулся, готовый встретить врага лицом к лицу.

— В чем дело? — рявкнул он, не увидев никого. — Никогда не хватай меня за плечи, руки поотрываю! Ты почему кричала?

— Посмотри! — показала она дрожащей рукой.

Киммериец слегка отшатнулся, слюну. На матово поблескивающем столе черного дерева сияла золотая посуда. В тарелках было полно еды, в чашах и кубках — вина.

— Пир! — радостно выдохнул варвар. — Какой пир мы сейчас устроим!

— Мы ведь не тронем тут ничего? — голод боролся в голосе девушки со страхом. — Вдруг кто-нибудь придет?

— Лир ан маннаман нам лир! — выругался Конан, схватил Наталу за шею и бесцеремонно отшвырнул ее в позолоченное кресло, стоявшее у края стола. — Тут кишит от голода скручиваются словно змеи, а она на двери оглядывается! Ешь!

Сам он плюхнулся в кресло на противоположном конце стола, схватил нефритовый кубок с вином и немедленно выпил несколькими большими глотками. На его пересохшее горло этот острый напиток, похожий на красное вино с каким-то незнакомым ему привкусом, подействовал подобно бальзаму. Слегка угтолив жажду он с волчьим аппетитом набросился на еду: на мясо неведомых животных, на странные фрукты. Кувшины, амфоры, тарелки — все прекрасной ювелирной работы, вилки — из чистого золота. Впрочем, на вилки Конан обращал меньше всего внимания, он рвал мясо руками, крушил кости крепкими зубами. Манеры его более цивилизованной спутницы тоже вряд ли бы сочли приемлемыми в изысканном обществе, если бы увидели, с какой скоростью исчезали в ее маленьком рту яства сказочного стола. В голове бешено работавшего челюстями Конана мелькнула вдруг мысль, что еда и вино могут быть отравленными, но он тут же забыл о ней, рассудив, что лучше умереть от яда, нежели от голода.

Насытившись, Конан развалился поудобнее в кресле и удовлетворенно рыгнул. Что ж, раз в этом пустом дворце полно свежей еды и питья, то должны быть и люди. Кто знает, может быть в каждом из этих темных углов таится враг. Однако, даже если это было так, киммериец относился к этому совершенно спокойно. Он безгранично верил в свои силы на него навалилась дремота и он начал всерьез подумывать над тем, что неплохо бы прилечь и поспать часок-

другой.

Натала, удовлетворив голод и жажду вовсе не избавилась от своих страхов и опасений и даже не помышляла о сне. Она напряженно вглядывалась в темноту под арками, в которой крылось нечто неведомое, таинственное, молчаливое и ужасное. Зал, в котором они сидели, показался вдруг огромным, стол — невероятно длинным, а сама она оказалась гораздо дальше от сонного Конана, чем хотелось бы.

Натала вскочила, обежала стол и устроилась на коленях своего опекуна, обшаривая зал тревожным взглядом. Крутые арки открывали вход к нескольким другим залам, некоторые из них были залиты мягким розоватым светом, другие утопали во мраке. Именно эти последние приворвали внимание девушки.

— Пойдем же Конан, пойдем отсюда! — взмолилась она. — Я чувствую здесь зло!

— Не каркай! Ничего плохого с нами не слу... — начал он, но тут что-то зашуршало, и этот звук в сгустившейся тишине разнесся рокотанием грома.

Конан, мгновенно подобравшись, мягко, словно пантера вскочил на ноги, девушка слетела с его колен, а он уже держал саблю наготове, озираясь по сторонам. Шорох не повторялся, и киммериец бесшумно двигаясь, направился в ту сторону, откуда он донесся до их ушей. Девушка, съежившись и дрожа всем телом, следовала за ним.

Они остановились на пороге соседнего зала и варвар застыл, словно лев перед прыжком, а Натала боязливо вытянув шею, посмотрела через его плечо. Их глаза, быстро привыкшие к темноте, уловили очертания стоявшего у стены возвышения, похожего на саркофаг, на котором лежал на спине человек, как две капли воды похожий на того, которого Конан спустил в колодец. Одежда его, правда отличалась гораздо большей пышностью — она вся была усыпана золотом и драгоценными камнями и в скучном свете, проникавшем из соседнего зала, сверкала подобно огромному бриллианту. Снова послышался зловещий шорох, словно кто-то отодвинул портьеру. Конан моментально отскочил в сторону, потянул за собой девушку и зажал ей рот огромной ладонью.

С того места, где они стояли, не было видно возвышения с лежавшим человеком, лишь на стене рисовалась слабая тень. И к этой тени медленно подползала другая тень, она была бесформенной, огромной и настолько черной, что киммериец похолодел от ужаса.

Эта тень не была тенью человека или животного — Конан никогда в жизни не видел ничего подобного. Натала еще шире раскрыла свои огромные, остекленевшие от страха глаза. В гробовой тишине явственно слышалось ее спазматическое дыхание. Тяжелая, словно черное облако, тень обволокла человека и они увидели, как на стене вспучился огромный горб, тут же впрочем опавший и рассосавшийся. Тень медленно и лениво уползла куда-то вниз, открывая очертания ложа. Оно было пустым — человек исчез.

Тело девушки конвульсивно дернулось — первый признак истерики.

Конан чтобы привести ее в чувства, вновь воспользовался ладонью. Он сам ежился от холодного пота, стекавшего по спине. Ничто в подлинном мире не могло так напугать его, но ведь то, что они видели, судя по всему относилось вовсе не к этому миру.

И все же любопытство пересилило страх и киммериец, чуткий словно кошка, скользнул в зал. Он был пуст. Пустым оказалось и возвышение, обитое шелковой тканью. В его изголовье быстро впитывалась капля алой жидкости, поблескивая, словно рубин. Натала увидела ее и взвизгнула от ужаса. Конан не обратил на это внимания, ибо он чувствовал, что его горло все сильнее сдавливает ледяная петля страха. Значит здесь действительно лежал человек, а затем появилось что-то чудовищное и человек исчез. Что же это было, какие мрачные силы скрываются в мрачных закоулках этого проклятого дворца?

Варвар взял девушку за руку собираясь уйти из зловещего зала, — и замер не дыша.

Издалека, со стороны того зала, в котором они пировали, слышался тихий шелест шагов. Сомневаться не приходилось, к ним кто-то приближался, мягко ступая босыми ногами. Киммериец сорвался с места, таща за собой девушку. Он надеялся, что сумеет выбраться на площадь через другие двери, избежав встречи с незнакомцем, кем бы он там ни был.

Однако они не успели еще добежать до арки, когда тяжелая шелковая занавеска раздвинулась за их плечами и в комнату заглянул человек.

Это был мужчина, тоже очень похожий на того, что встретился им на свою беду по пути во дворец, — столь же высокий, плотный, в пурпурной тунике, перетянутой в талии расшитым золотом и драгоценностями поясом. У бедра болтался короткий меч, но мужчина даже не положил руку на его рукоять, он неподвижно стоял, равнодушно разглядывая пришельцев. В его янтарных глазах не отражалось ничего, кроме отчаянной скуки. Тишину разорвал сонный голос незнакомца. Так же равнодушно, ни к кому не обращаясь конкретно, он произнес несколько слов на неизвестном Конану языке. Киммериец ответил по-стигийски и тут же услышал вопрос, заданный на том же языке:

— Кто вы такие?

— Я Конан из Киммерии, — гордо выпрямившись, ответил варвар. — А ее зовут Натала, она бритунка. Скажи нам, что это за город?

Незнакомец молчал, но его сонный, мечтательный взгляд, скользнувший по девушке, дрогнул, глаза загорелись вожделением.

— О юное создание, ты прекраснее всех, кого мне доводилось здесь увидеть! Кто же ты, о золотоволосая гурия, в какой из благословенных стран родилось такое чудо? В Антаре, Жотре, или быть может, в сверкающей серебряными звездами Кут?

— Что ты мелешь? — спросил раздосадованный Конан, который не мог терпеть пустых речей.

Незнакомец не обратил на него ни малейшего внимания и захлебываясь от восторга, продолжал:

— Да, это верно, мне снились многие красавицы, они были стройными и грациозными, словно газели, их волосы были темнее самой темной ночи. Но твоя кожа белее молока, глаза прозрачнее чем воздух раннего утра, ты слаще нектара самых нежных цветов. Иди же ко мне, взойдем на ложе мягкое, словно лебяжий пух, о прекраснейшая из прекрасных, королева моих снов!

Он подошел к Натале легким танцующим шагом и протянул руку, на которую тут же обрушился огромный кулак Конана.

Незнакомец пошатнулся, зашипел от боли, его глаза изумленно раскрылись.

— Это еще что такое? В моих снах меня же и бьют?! — закричал он. — Ах, негодяй! Убирайся с глаз моих! Исчезни! Поди прочь! Приказываю тебе — исчезни!

— Это ты сейчас у меня исчезнешь! — рявкнул разозленный киммериец и в его руке блеснула сабля. — Так тут у вас принимают гостей!

Сонное выражение в глазах незнакомца сменилось безграничным удивлением, затем они просветлели.

— Клянусь Тогом! — воскликнул он. — Ты живой! Ты существуешь на самом деле! Кто вы? Как вы попали в Ксутал?

— Пришли из пустыни, — хмуро объяснил Конан. — Мы вошли в город на закате, голодные и еле живые, и увидели стол с яствами и ни единой живой души. Что нам оставалось делать? Мы сели, утолили голод и жажду. Платить нам правда нечем. У меня на родине гости, даже незванного, прежде всего кормят, но у вас, цивилизованных людей все иначе... Мы пришли из пустыни, туда же и вернемся, не причинив никому зла, ибо, клянусь Кромом, мне не нравится

этот город, в котором трупы носятся по улицам, размахивая мечами, а спящих пожирают какие-то ужасные тени!

Последние слова Конана буквально ошеломили незнакомца. Его лицо мгновенно пожелтело.

— Что ты сказал? Тени пожира...

— Тени — не тени, не знаю, как их еще назвать. Нечто такое, что приходит и уходит, а от человека остается одна-единственная капля крови.

— Вы видели? Что вы видели? — незнакомца колотила крупная дрожь, голос его срывался.

— Лежал тут один на возвышении, — начал Конан, — вдруг видим, накрывает его огромная тень, а когда тень исчезла...

Незнакомец уже не слушал его. Он пронзительно взвизгнул и бросился наутек. Ударившись о стену на повороте, он упал, но тут же вскочил и со всех ног помчался прочь, крича что-то во весь голос. Конан стоял, не в силах сдвинуться с места от изумления, девушка с отчаянием цеплялась за его руку. Крик незнакомца несся все дальше и дальше, его подхватывало эхо, отражаясь от потолков бесчисленных залов. Внезапно крик оборвался на высокой ноте — и все стихло.

— О, Кром! — Конан дрожащей рукой вытер пот со лба. — Воистину, этот город проклят. Идем отсюда скорее!

— Призраки! Призраки! Тут все мертвы! — рыдала девушка. — Мы обречены! Мы в ад! Мы умерли там, в пустыне, а здесь только наши призраки! Духи-и-и!

Она зашлась в рыданиях, и варвар в сердцах шлепнул ей своей тяжелой ладонью по округлому заду. Девушка завопила еще громче.

— Духи так не воят! — резонно заметил киммериец. — Мы живы, я же слышу! А будем здесь стоять, вообще голов лишимся. Идем!

Однако, едва переступив порог следующего зала, они остановились. Навстречу им снова кто-то шел. Кто-то или что-то. Зрачки варвара сузились, ноздри дрогнули — он уловил тонкий запах благовоний, точно такой же возносился в одном из первых залов. Под аркой появилась неясно очерченная фигура человека. Киммериец неуверенно кашлянул, а Натала раскрыла от удивления рот.

Перед ним стояла стройная, прекрасная девушка, а ее черные глаза, чувственные, полные тайной неги глаза изумленно смотрели на них из-под длинных ресниц. Всю ее одежду составляла узкая набедренная повязка, украшенная бисерной вязью и множеством драгоценных камней. Иссиня-черные волосы тяжелой волной падали на плечи, подчеркивая алебастровую белизну кожи. Красота ее была столь ослепительной, что у варвара перехватило дыхание. Овал лица незнакомки был типично стигийским, но у стигиек никогда не встречалось столь белой кожи.

— Кто вы такие? — спросила девушка по стигийски, голос ее был высоким и мелодичным. — Как вы попали сюда? С неба свалились?

— А ты кто такая? — вопросом на вопрос грубо ответил варвар.

— Меня зовут Талис, — сказала девушка. — Я родом из Стигии. Но расскажите мне наконец, как вы попали в этот город? Не может же быть, что вы пришли сюда по доброй воле.

— Не может быть, ты говоришь! — взвился киммериец. — Это того, что мы здесь видим, не может быть! Мы притащились в этот город на закате солнца, чуть живые от голода и жажды. Возле ворот валялся какой-то труп, который через пару минут напал на меня с мечом в руках. Мы зашли во дворец, видим

— стол прямо гнется под тяжестью блюд с едой и кувшинов с вином. Потом наткнулись на

спящего мужчину, который тут же исчез, когда его накрыла какая-то тень... — киммериец, внимательно наблюдавший за девушкой, заметил, что та побледнела, — накрыла тень, а потом...

— Что потом? — стигийка явно преодолевала страх. — Говори же! Я жду!

— Я тоже жду. Мне казалось, что ты завопишь, и бросишься наутек. Когда я рассказал то же самое твоему приятелю в пурпурной тунике, он взвыл от ужаса и быстро убежал от меня.

— Ах, так значит это он так орал, — пожала она белоснежными плечами.

— Дурак! От судьбы не убежишь! Тог найдет везде, когда придет срок.

— Что еще за Тог? — спросил Конан с ноткой неуверенности в голосе.

Она пробежала по его телу настолько бесстыдным взглядом, что щеки Наталы залились темным румянцем, а жемчужные зубы со злостью прикусили нежную губку.

— Сядем на эту софу, — предложила Талис, — и я расскажу тебе обо всем. Прежде всего, назовите ваши имена.

— Я Конан — киммериец, — ответил варвар, — она — Наташа из Бритунии. Но я не собираюсь сидеть на софе и гадать, свалится мне сейчас на шею эта тварь или нет!

Она звонко рассмеялась и грациозно опустилась на мягкое ложе.

— Видите ли, — сказала она с напускным смирением в голосе, — бежать от Тога — напрасный труд. И тот, которого вы видели, тоже не избежал своей судьбы.

Конан что-то буркнул и присел на край софы, вытащив саблю и держа ее наготове на коленях. Рядом с ним, поджав под себя ноги пристроилась Наташа. Она с ненавистью посматривала на прекрасную Талис, чувствуя себя рядом с ней никчемной дурнушкой. От ее внимания не укрылись также пламенные взоры, которыми забрасывала могучего варвара юная стигийка.

— Расскажи нам о городе, — попросил киммериец. — Что за люди живут здесь.

— Ксутал — очень старый город. Много веков назад одно из кочевавших по пустыни племен наткнулось на оазис и осталось в нем жить. Когда именно это случилось, горожане уже и не помнят.

— Горожане не помнят... Значит здесь все же живут люди?

— Да, живут. Их не слишком много, но больше, чем ты думаешь. Ксутал — город, в котором стоит одно-единственное здание, поскольку все строение за этими крепостными стенами соединены тысячами коридоров и переходов, и вы могли бы часами и даже сутками бродить по залам и не встретить ни единого человека. Но их тут сотни...

— Как же это? — изумился Конан.

— Видите ли, горожане обычно спят, вся их жизнь проходит в снах, гораздо более реальных для них, чем действительность. Вам наверное доводилось слышать о черном лотосе? На земле нет более ядовитого растения. Но предки ксуталийцев научились так обрабатывать его сок, что он приносил им не смерть, а сны — фантастические, красочные, чудесные, — и с тех пор горожане живут исключительно этими снами. Они иногда просыпаются — едят, пьют, занимаются любовью и вновь возвращаются в свои сны, иногда даже не притронувшись к еде, стоящей на столах. К одному из таких столов вы и попали...

— А что они едят? — перебил ее Конан. — Что-то я нигде в округе не видел ни полей, ни виноградников. А где их сады, поля?

— О, они мудрецы, эти ксуталийцы, или точнее их предки были мудрецами. Они получают еду из воды и воздуха, используя солнечную энергию. Кто знает, до чего они бы додумались еще, не погубив их лотосные сны. К счастью, до того, как они увлеклись ими поголовно и без оглядки, город уже был построен. Вы обратили внимание на светящиеся алмазы? Стоит потереть пальцем такой камень, и он начинает светиться. Потрешь снова — гаснет. И это лишь малая часть древних знаний, большинство их давно утрачено. Впрочем, зачем им это в их снах, похожих на

смерть?

— Значит этот тип у ворот тоже спал? — спросил киммериец.

— Несомненно. Человек, погруженный в сон, подаренный соком лотоса, подобен мертвому. Их тела как бы умирают, а души тем временем странствуют в чудесных видениях. Бедняга у ворот был стражником, — они все несут здесь по очереди стражу, таков обычай, но с тех пор, как была построена эта стена, ни один чужак... Чему же удивляться, когда они спят на посту?

— Так где же все эти люди? — допытывался Конан. — Ты говоришь, их тут сотни. Так где же они?

— Спят, — ответила она, — спят на沙发上, на шелковых оттоманках, на пушистых шкурах, на атласных подушках, спят, сложив руки на груди, спят...

Варвар вздрогнул, подумав о том, что сотни тел неподвижно лежат где-то рядом, вглядываясь широко раскрытыми остекленевшими глазами в мрак и тишину своих комнат.

— А что за тень похитила одного из них?

Прекрасное лицо стигийки исказилось на миг гримасой страха.

— Это Тог, древний бог, что живет глубоко под землей. Никто не знает, был ли он в оазисе, когда здесь появились первые люди, или пришел сюда с ними. Многие жители Ксутала чтят его как бога. Большую часть времени он проводит где-то в земных недрах, но когда проголодается, то некими тайными тропами поднимается на поверхность. И тогда беда тому, кто повстречается ему на дороге.

Натала охнула от ужаса и обняла Конана рукой за шею с такой силой, словно боялась что ее вот-вот разлучат с могучим защитником.

— О, Кром! — ошарашенно воскликнул киммериец. — Как же это? Они что, так и лежат, как бараны, пока этот демон их пожирает?

— А ты отказал бы богу в полагающейся ему жертве? У нас в Стигии людей тоже убивают на алтарях во славу богов, и жертвой может оказаться любой из стигийцев. Так не все ли равно — жрец приносит жертву или бог сам приходит за ней?

— Ну, нет! — гневно воскликнул варвар. — У нас людей в жертву не приносят. Клянусь Кромом, хотел бы я посмотреть на жреца, которому пришло бы в голову зарезать на алтаре киммерийца! Кровь пролилась бы, это верно. Но чья кровь, как ты думаешь?

— Ты варвар! — рассмеялась Талис. — Ты настоящий варвар! Но Тог — очень старый бог, бог кровавый, жаждущий жертв, не забывай об этом!

— Ну что за люди! — гневно бормотал Конан. — Лежать и спать, зная, что проснуться может быть придется в животе у чудовища!

— Такая уж их судьба! — улыбнулась Талис. — Тог лакомился ими с незапамятных времен. Некогда их были тысячи, теперь — жалкие сотни. Еще несколько поколений и останутся единицы, а Тогу придется искать поживу в другом месте или убираться туда, откуда появился. Ксуталийцы знают о том, что их ждет, но даже не помышляют о бегстве, они уже давно смирились с этим. Вы не поверите, но вот уже несколько поколений никто из них не выходит из города дольше, чем на несколько часов. А я видела старинные карты, нарисованные на пергаменте, на них в дне пути в южном направлении указан оазис, еще в дне пути — второй, а там уже до края пустыни недалеко. Но туда никто из граждан теперь не решится пойти. Они хуже растений, всех их погубили лотосные сны. У них есть золотистое вино с чудесными свойствами, которое залечивает любые раны и возвращает силы даже после самых разнужденных оргий, — его они и пьют. И спят, спят...

И все же, несмотря на сонное отупение, все они судорожно цепляются за жизнь, когда приходит их час. Да вы в этом сами убедились. Мне тоже приходилось видеть перепуганных горожан, а однажды весь город переполошило известие, что Тог покинул свое подземелье. Люди

бегали по улицам, рвали на себе волосы, пока наконец не выскошили за ворота. Посовещавшись там, они решили бросить жребий и оттащили того, на кого он пал, связанным по рукам и ногам в одну из комнат, чтобы Тог, удовлетворившись жертвой, оставил их в покое.

— Бежим отсюда! — рыдала Наташа. — Бежим скорее!

— Замолчи! Еще не время! — шикнул на нее Конан, любуясь белым, словно слоновая кость телом прекрасной стигийки.

— Но скажи, Талис, как ты оказалась в этом городе?

— О, я попала сюда еще ребенком, — ответила она, томно потянувшись и заложив руки за голову. — Я принцесса, как ты наверное уже понял. Меня похитил один из мятежных принцев, что шатался по свету с бандой кущитских лучников, отыскивая место, где смог бы обосновать собственное королевство, пока не заблудился в пустыне. В конце концов и он сам и его люди умерли от жажды. Я обязана жизнью одному из лучников — он, прежде чем испустить дух, посадил меня на верблюда. Это славное животное притащило меня, полумертвую, прямо к воротам этого города. Потом мне рассказали, что однажды утром увидели за воротами мертвого верблюда, а рядом с ним полузыпанную песком девушку. Горожане принесли меня в город и напоили вином. Так вот я и выжила. Я не знала их языка, но они очень быстро изучили мой. Особенно старались мужчины. И вовсе не потому, что стигийский язык так понравился им, — ради меня они готовы были бросить даже свои сны.

Она бесстыже рассмеялась, бросив откровенный взгляд на киммерийца.

— Их женщины ужасно ревнивы, — продолжала стигийка. — Они кстати, очень красивы, и если бы не желтоватый оттенок кожи, да не опухшие от сна веки, их красота вообще была бы совершенной. Здешних мужчин прельщает то, что я совсем иная, нежели их женщины. Я, правда, тоже вкусила лотосового сна, но мне это не понравилось. Я предпочитаю жить наяву, а не в розовых снах, как эти желтые лунатики. Ксугалийцы охочи до женских ласк и знают в них толк. Я бы посоветовала тебе своей рукой избавить девушку от мучений прежде, чем они дорвутся до ее тела. Сладострастной похоти этих мучителей не вынести — слишком слаба. Я сама еще в пятнадцать лет приняла участие в мистериях в честь богини Деркето, но где нашим жрецам тягаться с ксугалийцами по этой части. У них вся жизнь проходит в снах и оргиях.

— Какая мерзость! — презрительно сплюнул киммериец.

— О, это дело вкуса, — усмехнулась Талис, опуская глаза.

— Ладно, нам пора, — поднялся Конан, — только время зря тратим. Мы не собираемся сидеть здесь и ждать, пока не появятся эти негодяи или сам Тог. Чем дольше мы здесь находимся, тем больше мне кажется, что в пустыне гораздо уютнее, чем в этом злосчастном городе.

Наташа плохо говорила по стигийски, но знала язык достаточно, чтобы понять, о чем идет речь, поэтому она охотно сорвалась с места, готовая не медля ни минуты отправляться в путь.

— Покажи нам дорогу, и мы немедленно уйдем отсюда, — сказал киммериец, не сводя глаз с нагого тела прекрасной Талис. Та, отлично понимая значение блуждающего по ее груди и бедрам жадного взгляда, лениво потянулась, словно персидская кошка.

— Идите за мной, — махнула она рукой и пошла впереди, покачивая бедрами. Они шли по незнакомым залам, но прежде, чем в сердце киммерийца зародилось подозрение, что дело нечисто, остановились в маленькой комнате со стенами, выложенными слоновой костью, и фонтаном, тихо журчавшим в ее центре.

— Ополосни лицо, милая, — обратилась Талис к Натале. — Ты вся в пыли, даже в волосах песок.

В голосе стигийки прозвучало столько издевки, что бедная девушка залилась румянцем. Но совет был неплох, как и кем бы он ни был дан, — солнце и песок действительно оставили свои

следы на нежной, словно лепесток розы, коже бритунки. Натала забросила за спину свои длинные светлые волосы и нагнулась над фонтаном.

— О, Кром, — пожал плечами киммериец. — Женщина всегда остается женщиной! Тог, не Тог, а ей лишь бы зеркало. Да ведь стоит нам оказаться за воротами, как ты опять покроешься пылью. Ты дашь нам что-нибудь из еды и питья на дорогу? — повернулся он к Талис.

Вместо ответа она прижалась к нему всем телом и положила руки на его бедра. Он чувствовал нежную теплоту ее кожи, пьянящий запах волос дразнил ноздри.

— Зачем тебе пустыня? — горячо шептала она. — Останься со мной! Я научу тебя любви, ты узнаешь самые сокровенные тайны Ксутала. Ты настоящий мужчина, не чета этим сонным мечтателям. А я хочу настоящей любви. Хочу тебя. Мое сердце рвется из груди навстречу тебе, я теряю сознание, чувствуя на своем теле твои руки. Оставайся со мной! Я сделаю тебя королем Ксутала.

Талис обняла варвара за шею и поднявшись на цыпочки, прильнула к нему горячим нагим телом. Конан посмотрел через плечо стигийки на Наталу. Она изумленно следила за происходящим, широко раскрыв свои голубые глаза. Киммериец смущенно кашлянул и одним движением могучей руки отодвинул в сторону черноволосую красавицу. Та удивленно подняла на него глаза, метнула взгляд в сторону Наталы и понимающе улыбнулась.

Глаза Наталы метали молнии, губы перекосились в гневной гримасе. Конан пробурчал что-то себе под нос. Он исповедовал верность в любви не больше любого другого из наемников, но в нем все еще оставались какие-то крохи врожденной стыдливости — вернейшего союзника Наталы.

Талис пожала плечами и вдруг, словно испугавшись чего-то отшатнулась к стене, задев плечом за висевший на ней гобелен.

— Что случилось? — встревоженно спросил Конан. — Ты что-то услышала?

— Оглянись! — протянула она белоснежную руку, показывая на что-то за его плечами.

Конан мгновенно повернулся, выхватив из ножен саблю. И никого не увидел. За его спиной послышался вздох, шелест, какой-то стук. Он вновь повернулся к фонтану. Обе девушки исчезли. По гобелену волной плыла складка, словно кто-то только что приподнимал его край. Складка проплыла и разгладилась. И тут где-то за стеной громко закричала Натала.

Натала стояла за Конаном, когда он повернулся к выходу и в ту же секунду быстрая и гибкая стигийка зажала ей рукой рот, второй обхватила за талию и с неожиданной силой рванула ее на себя, — прямо в стену, или точнее, в открывшуюся в стене потайную дверь.

Они оказались в абсолютном мраке. Талис, взявшись у двери видимо закрывая ее на запор, вынуждена была отпустить Наталу, и та немедленно закричала во весь голос. Смех стигийки, пропитанный смертельный ядом, пронзил темноту.

— Кричи, кричи милая, сколько влезет. Скорее сдохнешь!

Натала замолчала, слышно было, как стучат от страха ее зубы.

— Что я сделала? Что я тебе сделала? Что ты хочешь от меня?

— Да ничего мне от тебя не надо. Сейчас я оттащу тебя вниз по этому коридору, — голос Талис стал злым шипящим, утратив всю свою мелодичность,

— полежишь там немного, пока за тобой не придут, а придут обязательно!

— О боги, сжальтесь надо мной! — всхлипывала Натала и ее голос ломался от страшного предчувствия. — Чем я провинилась перед тобой?

— Мне нужен твой молодец, а ты мешаешь. Я же вижу, что нравлюсь ему. Если бы не ты, он остался бы со мной. Исчезни — и он станет моим.

— Да он скорее горло тебе перегрызет! — воскликнула Натала, безгранично верившая своему возлюбленному.

— Увидим, — рассмеялась Талис со столь же безграничной верой в свои женские чары. — Да тебе-то что до того: горло он мне перегрызет или к сердцу прижмет. Ты к тому времени будешь нежиться в объятиях жениха из бездны ада!

Хотя Натала, постанывая от ужаса, отбивалась руками и ногами, стигийка скрутила ее словно беспомощное дитя и потащила вниз по коридору. Девушка, помня злорадное предупреждение, молчала. В глубокой тишине слышны были только резкое, спазматическое дыхание Наталы, да сопение стигийки. Внезапно пальцы несчастной бритунки наткнулись на усыпанную алмазами рукоятку кинжала, торчащую из-за набедренной повязки Талис. Девушка недолго думая, выхватила кинжал и ударила им сверху вниз, вложив в удар последние силы.

Талис взвизгнула от боли и гнева, пошатнулась и выпустила Наталу из рук. Девушка упала на каменные плиты, но тут же вскочила на ноги, отбежала и прижалась к стене. Она не могла ничего разглядеть в окружавшем ее мраке, но слышала пронзительный голос стигийки — лучшее доказательство того, что убить ее не удалось. Талис выкрикивала грязные ругательства, и в ее голосе было столько злобы, что Натала похолодела.

— Куда ты делась, проклятая сука?! — кричала стигийка. — Ну попадись ты мне в руки! — Описание пыток, уготованных ее сопернице, было красочным и более чем подробным, а язык, которым оно было изложено, заставил бы залиться румянцем стыда самую бесстыжую проститутку Аквилюнии.

Талис что-то искала, ощупью шаря по стене руками, и вскоре загорелся тусклый свет — стигийка в ярости забыла об угрожавшей им обеим опасности. Натала увидела в нескольких шагах от себя Талис. Сквозь пальцы левой руки, которыми та сжимала рану в боку, ручейком текла кровь, но стигийка твердо стояла на ногах и в глазах ее пылала смертельная ненависть. Надежда, теплившаяся в душе Наталы, бесследно покинула ее, когда стигийка презрительно стряхнула кровь с ладони и увидела, что удар кинжала не достиг цели — лезвие скользнуло по драгоценным украшениям на набедренной повязке и лишь слегка поцарапало кожу ее грозной противницы.

— Отдай кинжал, гадина! — процедила она сквозь зубы, нагнувшись над скорчившейся у стены девушки.

Натала понимала, что это последняя возможность отстоять свою жизнь, иной ей уже не представится, но не могла воскресить в себе даже искорки отваги — она впрочем никогда ей не отличалась, — и лишь дрожала всем телом полностью парализованная темнотой, яростью соперницы и безысходностью своего положения. Талис без труда вынула кинжал из ее брезвольно повисшей руки и отбросила его во мрак.

— Кусаешься, сука! — она со всего размаху ударила ее окровавленной ладонью по щеке. — Кусаешься? Ну так кровь за кровь! Ты пожалеешь еще о своей дерзости!

Стигийка схватила Наталу за волосы и выволокла на свет. Из стены торчало железное кольцо, с которого свисал шелковый шнур. Девушке показалось, что с ней происходит всего лишь кошмарный сон. Она уже не сопротивлялась, когда Талис, сорвав с нее остатки одежды, подтащила ее руки вверх и затянула на запястьях крепкий узел. Нагая, натянутая словно струна, она висела едва касаясь пола кончиками пальцев, словно заяц, с которого вот-вот начнут сдирать кожу. Повернув с огромным трудом голову, она увидела Талис, снимавшую со стены тяжелый кнут с рукоятью, блестевший золотом и алмазами и с семью длинными концами, плетеными из особого шелка, более твердыми и гибкими чем обычные ременные.

Стигийка глубоко вздохнула, с наслаждением размахнулась, и семь жгучих языков пламени обернулись вокруг бедер взвизгнувшей от боли Наталы. Бедная девушка вилась всем телом, стонала, пыталась выдернуть руки из шелковой петли, кричала, выла, начисто забыв о грозной опасности таившейся где-то неподалеку. Жестокая стигийка тоже по-видимому забыла об этом, наслаждаясь муками жертвы.

Обезумевшая от боли Натала подняла залитые слезами глаза, собираясь в последний раз взмолиться о пощаде, — и стон замер на ее сразу затвердевших губах, а глаза наполнились неописуемым ужасом.

Взметнувшийся в очередной раз кнут завис в воздухе, когда Талис, встревоженная выражением лица жертвы, быстро, как кошка, повернулась посмотреть на то, что ее так напугало. Но новый противник действовал быстрее. Перед глазами полумертвой от боли Наталы мелькнуло подброщенное с невероятной силой белое тело стигийки — мелькнуло и исчезло в недрах огромного черного облака. Пронзительный вопль разорвал тишину и облако растворилось во тьме.

Еще несколько секунд из мрака коридора доносился умоляющий лепет Талис, затем ее громкие стоны перешли в душераздирающий крик, завершившийся истерическим, диким смехом и все стихло. Натала до боли напрягала глаза, вглядываясь во мрак, в котором исчезла Талис. Она чувствовала, что там таится нечто угрожающее не только ее телу, но и душе.

Мрак вздыбился вдруг гигантской волной, в нем проявилось некоторое бесформенное пятно, образовавшее что-то вроде колосальной головы с разинутой жабьей пастью, чьи контуры расплывались, словно марево, в голове прорезались два светящихся словно гнилушки, глаза — они притягивали, в них читалось омерзительное, воистину космическое вожделение, и вся эта пульсирующая, похожая на густой черный дым масса клубилась, густела и изменялась. Трудно было сказать — ползет это нечто, идет или летит, но оно двигалось, приближаясь к ней. Вот оно добралось до круга света, падавшего из алмаза-светильника, но эта клубившаяся масса не поддавалась свету, даже тогда, когда этот сгущенный мрак оказался на расстоянии вытянутой руки от Наталы, — если бы она могла конечно вытянуть руку, — даже тогда она не различала деталей на этом странном теле, лишь жабья пасть рисовалась вполне выразительно, словно темное пятно на сетчатке ее глаза.

В голове девушки мелькнула мысль, что она возможно уже сошла с ума — ведь никто и

ничто не может смотреть одновременно сверху и снизу, из бездонной пропасти и с головокружительной высоты — а ведь было именно так, это нечто смотрело на нее отовсюду. И в то же время, она знала это совершенно определенно, оно было реальным, осязаемым, а если даже обманывало зрение, то уж никак не обманывало тело, которое вдруг ощутило холодное прикосновение не то лапы, не то щупальца. То, что проползло по ее ноге, было холодное, но вместе с тем жгло как раскаленный уголь, скользкое, и в то же время шершавое — оно абсолютно отличалось от чего бы то ни было, хоть раз прикасавшегося к ее телу. Натала вскрикнула от омерзения. В этом прикосновении сконцентрировалась вся непристойность, вся похоть, все распутство, которые копились среди отбросов земной жизни со времен ее зарождения. Она чувствовала такой стыд, такое отвращение, о каких до сих пор не имела понятия. Теперь она отчетливо сознавала, что это чудовище может быть чем угодно, но только не примитивным животным.

Безумный визг девушки разорвал тишину, когда это нечто потянуло ее к себе, выворачивая все суставы и разрывая натянувшиеся до предела мышцы и ткани рук, — но тут где-то высоко вверху послышался треск, какая-то огромная масса пронеслась по воздуху и грохнулась на плиты пола.

Когда Конан увидел разглаживающийся гобелен, он с диким рычанием бросился на стену, будто хотел снести ее одним ударом своего огромного тела. Удар был таким сильным, что наверное поломал бы кости любого другого человека, но варвар лишь отскочил от стены словно мячик, сорвав с нее гобелен. Его глазам открылась совершенно гладкая, монолитная стена. Вне себя от злости, он махнул саблей, словно собираясь иссечь на куски мраморную преграду, но услышал за спиной шорох и огляделся. Его смуглое лицо было белым от ярости, что никак не могла найти себе выхода.

За ним стояли десятка два мужчин в пурпурных туниках и с желтоватыми лицами. Каждый из них сжимал в руке короткий меч. Когда Конан оглянулся, они набросились на него, что-то гневно вопя. Он не пытался ни успокаивать их не объяснять. Взбешенный исчезновением девушки, он действовал так, как на его месте действовал бы любой другой человек гиборейской эры.

С яростным ревом Конан метнулся навстречу врагам, его свистнувшая в воздухе сабля отбила в сторону чей-то меч, и вот уже из головы первого из нападавших брызнули мозги. Изогнувшись по-кошачьи, Конан ударили снова, и чья-то рука, судорожно цеплявшаяся за рукоять меча, отрубленная в запястье, взвилась по кругой дуге в воздух, волоча за собой кровавый хвост, словно комета. Конан не потерял ни секунды, когда легким движением увернулся от воинов одновременно напавших на него, — и вот уже меч одного из них по рукоять погрузился в грудь второго.

Увидев это, ксугалийцы закричали от ужаса, а варвар рассмеялся, победно и хрипло, нырнул под чью-то руку, хлынула алая струя и следующий воин в пурпурной тунике рухнул наземь, зажимая руками огромную рану в животе. Ксугалийцы завыли, словно волки, настигающие добычу. Непривычные к ратному труду, отупевшие от своих лотосовых снов, они безнадежно проигрывали быстрому словно молния, варвару, в котором стальные мышцы и четко работающий мозг составляли единое целое. Его противники, путаясь друг у друга под ногами, наносили удары или слишком поздно, или слишком рано, рассекая мечами пустой воздух. Киммериец же двоился, троился, исчезал в одном месте, чтобы тут же появиться в другом, неуловимый словно ртуть, недоступный мечам врагов, а тем временем кривое лезвие его сабли ежесекундно грозило смертью и выполняло угрозы.

Но неуклюжие и нерасторопные желтолицые воины вовсе не были трусливыми. Грязно крича, они кружили вокруг варвара и рубили короткими мечами, а со всех сторон в комнату через настежь раскрытые двери вбегали все новые и новые горожане, разбуженные непривычным их слуху шумом.

Конан, с виска которого уже лилась кровь, в очередной раз взмахнул саблей, уложив одним ударом сразу нескольких врагов, словно косец пшеницы и огляделся по сторонам, намечая путь к отступлению. В ту же секунду на одной из стен раздвинулась драпировка и приоткрылась потайная дверь. За ней виднелась лестница из зеленоватого камня, на самом ее верху стоял человек в роскошном шелковом одеянии, моргая глазами, словно только что проснулся. Киммериец, не колеблясь ни секунды, одним прыжком преодолел лязгавший мечами круг воинов и помчался к лестнице. Троє воинов преградили ему дорогу, три меча молниями сверкнули над его головой, и тут же упали, киммериец же не задерживаясь, несясь вперед по лестнице, за ним гналась свора преследователей спотыкаясь о валявшиеся тела. Один из несчастных лежал вниз лицом в луже крови и мозгов, второй пытался подняться на руках, залитых кровью, струей хлеставшей из перерезанного горла, третий скрипя, прижал к груди обрубок правой руки.

Увидев варвара, бежавшего прямо на него, человек в богатых одеждах опомнился и его меч холодно сверкнул в лучах камней-светильников, падая на голову Конана. Тот успел увернуться и воткнул саблю, словно нож мясника в сердце противника. Инерция движения Конана была столь велика, что сабля пронзила горожанина насеквось, а варвар, налетев на него, споткнулся и с грохотом врезался в стену. Когда он падал, сабля, острая, словно бритва, распорола живот убитого снизу доверху, и обмякшее тело покатилось по ступеням вниз, путаясь в собственных внутренностях и сбивая с ног желтолицых воинов.

Полуоглушенный варвар, прия в себя, яростно потряс в воздухе окровавленной саблей и помчался дальше. Остановившись на мгновение в комнате наверху и убедившись, что она пуста, варвар метнулся к двери. Внизу, тем временем поднялся крик, в котором звучало столько гнева и отчаяния, что Конан понял, что сам того не желая, отправил на тот свет кого-то очень важного, может быть самого короля этого странного города.

Киммериец бежал, не оглядываясь и не выбирая дороги. Он понимал, что Натале грозит смертельная опасность, но не мог заняться поисками девушки, не стряхнув с хвоста волчью стаю преследователей.

Комнаты верхнего этажа дворца были погружены в полутьму, и Конан, быстро потеряв ориентацию, вновь вбежал в зал, по которому уже пробегал пару минут назад, чуть не столкнувшись с преследователями. Увидев варвара, они заорали как сумасшедшие и бросились к нему, он же с трудом увернувшись, проскочил под арку.

Комната, в которой на этот раз оказался киммериец, в отличие от всех остальных не была пустой. Ее хозяйка только что вскочила на ноги, вскрикнув от удивления и испуга.

Перед киммерийцем стояла совершенно нагая — если не считать ожерелья из драгоценных камней на шее — женщина, которая вглядывалась в него широко раскрытыми от удивления и страха глазами. Это было последнее, что он успел заметить: когда женщина подняла руку и потянула за шелковый шнур, свисавший со стены. Под его ногами разверзлась черная пропасть. Даже феноменальная реакция варвара на этот раз запоздала.

Высота, с которой свалился Конан, была не слишком большой, и любой другой на его месте тоже бы остался в живых, отдавшись множественными переломами рук, ног и ребер. Как кошка падает на четыре лапы, так приземлился и Конан, не выпуская из рук сабли. Внутренне сжалвшись от испуганного женского крика, он вскочил на ноги и увидел обнаженную Наталу, отчаянно извивавшуюся в сладострастных объятиях чего-то настолько отвратительного, что не могло быть ничем иным, как порождение адской бездны.

Любой из людей увидел этого ужасного монстра, был бы парализован страхом. Любой, но только не Конан. Глаза его заволокла красноватая мгла бешенства, жажды крови затмила мозг — и он обрушился на чудовище. Бросив свою жертву, монстр повернулся к противнику, сабля которого рассекла воздух, пролетела сквозь черные клубы его бесформенного тела и чиркнула по каменной стене, высекая сноп искр.

Конан, ожидавший гораздо большего сопротивления черной субстанции потерял равновесие и упал на колени. Когда он вскочил на ноги, черное облако уже сидело на его плечах. Варвару показалось, что его захлестывают волны некоей студенистой жидкости — он рубил их саблей, рассекал кинжалом, рвал руками, по его лицу сплошным потоком текла грязь, что вероятно была кровью чудовища. Конан не знал, отсекает ли он щупальца или какие-то иные органы монстра, врубается ли в само его тело, вновь и вновь слившееся в однородную массу. Ему уже начинало казаться, что он сражается не с одним, с огромным множеством адских существ, грызущих, царапающих, колючих, колотящих его с невероятной силой. Он чувствовал клыки и когти, разрывающие его тело, чувствовал гибкие, но твердые, словно сталь, не то щупальца, не то лианы, обвивающие его руки и ноги. Вдобавок ко всему, нечто, похожее на скорпионий хвост с

острым шипом на конце, молотило его по спине, шее, груди, до кости, рассекая кожу и мясо, впрыскивая в кровь яд, жгучим огнем растекающийся по всему телу.

Сплетенные в плотный клубок человек и монстр выкатились из круга света и оказались в абсолютной темноте. Забыв в пылу сражения о брезгливости, варвар вонзил зубы в тело врага и его чуть было не вывернуло наизнанку, когда это нечто, с писком и скрежетом, упруго выскоцило из захвата его мощных челюстей.

Они катились все дальше и дальше по коридору. Варвар уже начал терять сознание от боли и ран, когда увидел высоко над собой огромную жабью пасть, освещенную тусклым светом, исходившим казалось откуда-то изнутри нее. Киммериец собрался с силами и с хриплым криком рванулся словно волк, к этой кошмарной пасти. Его верная сабля погрузилась в нее по эфес, и вдруг бесформенная масса, поглотившая Конана, конвульсивно содрогнулась. Сильная судорога свела и тут же отпустила адское тело, которое вдруг быстро поползло по неровному полу коридора, таща за собой варвара, упрямо цеплявшегося за рукоятку сабли, застрявшей глубоко в пасти монстра. Движения чудовища ускорились, киммерийца тряслось, давило, мяло, но он не сдавался, яростными ударами кинжала раздирая на части студенистую массу.

Внезапно из нее ударили какой-то странный фосфоресцирующий свет прямо в глаза Конана и тот вдруг почувствовал, что клубящееся, сотрясаемое конвульсиями тело куда-то исчезло, а его рука с саблей повисла в пустоте. Он лежал на скользком краю какого-то бездонного колодца, в глубь которого летело, сверкая словно метеор, тело чудовища. Прижавшись щекой к гладкой, грязной каменной поверхности, он смотрел, не в силах отвести глаз от быстро уменьшающегося светящегося шара, навстречу которому из глубины вдруг начала подниматься темная, блестящая поверхность, поглотившая в конце концов фосфоресцирующую точку. В таинственной бездне всколыхнулся тусклый огонек, и тут же погас. Воцарилась полная тишина и абсолютный мрак.

Натала из последних сил пыталась освободиться, сбросить шнур, врезавшийся в запястья. Ее взгляд неотрывно следил за краем тьмы, сгущавшейся за кругом света. Там исчез Конан, увлеченный демоном, и девушка, напрягая слух, еще некоторое время слышала сопение варвара, свист его сабли и грохот ударов, затем шорох, похожий на шум лавины сползающей с гор, сменившийся мертвой и глухой тишиной. Голова Наталы упала на грудь, тело безжизненно повисло на шелковом шнуре.

Она очнулась, услышав шаги, подняла голову и увидела вынырнувшего из темноты варвара. Вздох, выражавший одновременно облегчение и ужас, вырвался из ее опухших губ и эхом понесся по бесконечному коридору. Лицо варвара представляло собой сплошной синяк, словно кто-то долго и старательно колотил по нему бревном, кровь из рассеченной на голове кожи заливалась глаза. Губы были искусаны и разбиты, руки, ноги и все тело покрывали глубокие раны. Хуже всего выглядели грудь и шея, они почернели и опухли, кожа свисала с них клочьями,казалось их долго и безжалостно пороли бичом.

— Ах, Конан! — рыдала Натала. — Как тебе досталось!

Опухшие губы киммерийца исказила гримаса презрительного пренебрежения к собственным ранам. Он тяжело дышал, и его волосатая, залитая потом и кровью грудь вздымалась и опадала, словно кузнецкие мехи. Он с трудом дотянулся до шелкового шнура, связывавшего запястья девушки, перерезал его кинжалом привалился к стене, пошире расставив дрожащие ноги, чтобы не упасть. Натала прижалась к его плечу и горько и горько заплакала.

— О, Конан! Ты умираешь!

— Нельзя драться с демоном, — тихо прошептал он, — и остаться невредимым.

— Ты убил его? — спросила она с надеждой в голосе. — Правда убил?

— Не знаю. Он свалился в какой-то колодец. Не знаю, страшна ли ему вообще сталь...

— Ох, твоя脊на! — всплеснула она руками. — Что он с ней сделал!

— Это хвостом, — скривился он от боли. — Он был твердый, словно из стали и жег огнем. Но хуже всего эти щупальца, они давили и мяли меня, словно сотни питонов. Готов поспорить, что все мои кишечки змеями расползлись по животу.

— И что нам теперь делать? — всхлипнула девушка.

Он запрокинул голову. Крышка ловушки была плотно захлопнута, ни единого звука не доносилось сверху.

— Там не пройти, — буркнул он. — Там полно трупов, и скорее всего засада. Они думают, что с нами покончено, или просто боятся спускаться в эти коридоры. Выковыряй-ка вон тот светящийся камушек. Я, когда шел сюда, наткнулся на несколько боковых коридоров. Пойдем туда, не умирать же нам здесь.

Зажав в левой руке камушек — светильник, а в правой — окровавленную саблю, киммериец направился вниз по коридору. Он шел медленно, каждый шаг давался ему с огромным трудом. В его висках пульсировала тупая боль, он ежесекундно облизывал запекшиеся губы.

Через некоторое время камень тускло высветил черное отверстие в стене, куда Конан свернул не колеблясь ни секунды. Сколько они шли этим черным тоннелем, Натала не знала, но в конце концов дошли до какой-то лестницы, вскарабкались по ней и остановились перед каменной дверью, запертой на золотой засов.

Девушка нерешительно посмотрела на покачивающегося на ослабевших ногах великана, в вялой ладони которого дрожал слабый огонек. По стенам метались их огромные тени.

— Открывай же, — бормотал Конан, — там нас ждут. О, Кром! Я принесу тебе такую

жертву, о которой понятия не имеет никто в этом городе.

Натала поняла, что варвар бредит. Она вынула из его окровавленной руки светящийся камень, вытащила золотой рычаг и открыла засов. Дверь оказалась завешенной изнутри золотистой шелковой тканью. Бритунка осторожно отодвинула занавеску и заглянула за нее. Ее глазам открылась комната, совершенно пустая, лишь в самом центре ее шумел серебристый фонтан.

Широкая ладонь варвара легла на нагое плечо.

— Отойди в сторону, девушка! — пробормотал он. — Сейчас тут будет жарко!

— Здесь никого нет, — успокоила она его. — Это шумит вода.

— Вода, — облизал он почерневшие губы, — хоть напьемся перед смертью. Она взяла его за руку и словно слепца повела, осторожно ступая к фонтану, с замиранием сердца ожидая, что вот-вот в комнату со всех сторон ворвутся воины в пурпурных туниках.

— Я посторожу, а ты пей, — с трудом произнес Конан.

— Пей, пей, я не хочу. Ляг сюда, я омою твои раны.

— Не слышу звона мечей, — удивился он, протирая глаза, словно пытаясь сорвать с них мешавшую пелену.

— Тут никого нет, Конан.

Он ощупью нашел край чаши фонтана, наклонился, погрузил лицо в чистую прозрачную жидкость, и пил, пил, не в силах оторваться. Когда варвар поднял голову, Натала увидела, что безумие уже покинуло его глаза. Он облегченно вытянулся на полу рядом с фонтаном, но выражение чуткой озабоченности не покидало его изуродованного лица, а сабля так и осталась в крепко сжатом кулаке.

Девушка омыла его рваные раны и перевязала самые глубокие из них бинтами из разорванной на широкие полосы шелковой занавески. Занимаясь этой работой, Натала ни на секунду не прерывала лихорадочных раздумий над тем, что им следовало делать дальше. Если они останутся во дворце, их рано или поздно найдут, в этом она не сомневалась. Правда не исключено, что ксугалийцы уже не ищут их, а давно спят где-нибудь в своих потайных комнатах, отправив души в бесконечные скитания по миру черного лотоса.

Закончив перевязывать раны, Натала подняла голову — и оторопела.

В алькове, поначалу незамеченном ею, кто-то был — сквозь щель в пологе высовывалась мертвенно белая человеческая рука.

Стараясь двигаться как можно тише, чтобы не тревожить киммерийца, Натала, держа кинжал наготове, подкралась к алькову. Умоляя сердце биться тише, она медленно отодвинула полог. На возвышении, похожем на ложе катафалка, покоилось нагое тело женщины с желтоватой кожей. Рядом с ним, на уровне ее плеча стоял нефритовый сосуд с золотистой жидкостью. Вероятно это был тот самый чудесный эликсир, о котором говорила Талис. Натала осторожно наклонилась над спящей чуть ли не касаясь ее груди кончиком кинжала, и схватила сосуд.

Прижав к себе кувшин с драгоценной жидкостью, она пару секунд раздумывала над тем, не стоит ли ей превратить лотосовый сон желтолицей женщины в вечный, но так и не смогла заставить воткнуть кинжал в беззащитное тело, задернула, полог и вернулась к мирно посапывающему в полузабытии Конану.

Присев рядом с ним, она поднесла сосуд к губам варвара. Тот послушно пару раз глотнул, затем оживился, сел и выхватил кувшин у нее из рук.

— Клянусь Кромом, — сказал он, — это то самое чудесное вино. Откуда?

— Стояло там в алькове, — показала она рукой. — Там спит какая-то женщина.

Конан припал губами к краю кувшина и осушил его несколькими огромными жадными

глотками.

— О, Кром! — выдохнул он с облегчением. — Я чувствую животворный огонь в своих жилах! Оно придало мне новые силы!

Конан вскочил на ноги.

— Вернемся, Конан, вернемся в тот коридор, пересидим там, пока ты не поправишься!

Ни за что! — воскликнул варвар. — Мы что, крысы, чтобы прятаться по норам мы уйдем из этого проклятого города, и пусть кто-то попытается нам помешать!

— А твои раны?

— Я не чувствую никаких ран, — бодро сказа Конан. — Может быть, все дело в том, что я немножко захмелел, но я не чувствую никакой боли!

Он подошел к окну, тоже укрывшемуся от глаз Наталы. Она посмотрела через его плечо. За окном чернело бархатное небо, усыпанное множеством звезд. Внизу серым бесконечным покровом расстилалась пустыня.

— Талис говорила, что этот город — одно-единственное здание, — вспомнил Конан, значит комнаты и залы в крепостных башнях тоже соединены со всеми остальными. Нам не повезло.

— Что ты задумал? — спросила она с опаской.

— Там на столе хрустальный кувшин, — сказал он вместо ответа. — Наполни его водой и привяжи к нему ручку из этой вот ткани. Я тоже немного поработаю.

Она повиновалась, а когда закончив с порученным делом, подняла голову, то увидела, что Конан связывает тую скрученные шелковые ленты, оторванные от полога, в длинную веревку, один конец которой уже был привязан к ножке массивного столика из слоновой кости, стоявшего в алькове.

— Попытаем счастья в пустыне, — пояснил варвар. — Талис говорила, что в дне пути отсюда — оазис, в двух — второй. Там мы и переждем, пока затянутся мои раны. Нет, воистину это вино творит чудеса! Только что я был полутрупом, а сейчас мог бы гору свернуть. Эй прикройся наконец чем-нибудь!

Натала совсем забыла, что на ней нет ни клочка одежды — впрочем это совсем ее не смущало, — но вспомнив о жаре и палящем солнце, которыми встретит их пустыня, она поспешно набросила на себя шелковую накидку. Киммериец тем временем подошел к окну и без труда выломал решетку, выкованную из какого-то желтого металла. Опоясав бедра Наталы веревкой, он затянул петлю, перенес девушку за зеленоватый парапет и осторожно спустил ее вниз. Когда она высвободилась из петли, он втащил веревку обратно и привязал к ней кувшин с водой. Когда кувшин оказался у девушки, Конан сам съехал вниз по веревке.

Как только он ступил на землю, Натала с облегчением вздохнула. Они стояли у подножия городской стены под бархатным куполом звездного неба, лицом к безбрежной пустыне. Девушка понятия не имела об опасностях, подстерегавших их далее, но сердце ее пело от радости, ибо они наконец покинули этот чуть не погубивший их город.

— Если они найдут веревку, то могут отправить за нами погоню, — проговорил Конан, забрасывая за плечо кувшин, — хотя мне кажется, что они теперь побоятся ступить хотя бы на шаг за стену города. Ладно, юг там. Идем.

Конан с совершенно не характерной для него нежностью взял Наталу за руку, и они направились в пустыню, не оглядываясь на холодно поблескивавшую за их спинами стену Ксугала.

— Скажи, Конан, — осмелилась наконец спросить Натала, — там в черном коридоре ты нигде не видал Талис?

— Было темно, я вообще ничего не видел, но ощупывал путь перед собой и знаю, что там никого не было.

— Хотя она чуть не замучила меня на смерть, — шепнула девушка, — но мне жаль ее.

— Это так вот принимают гостей в этом проклятом городе! — гневно воскликнул варвар, но тут же успокоился. — Ничего, они надолго запомнят нас. Их кишкы и мозги размазаны чуть ли не по всему городу, а этому их Тогу, думаю досталось похуже чем мне. В конце-то концов, мы не так уж и плохо выпутались из этой истории. Есть вода, знаем, где искать оазис. Меня правда изрядно исполосовали, да и у тебя на спине сплошь рубцы от бича...

— Это ты виноват! — вспыхнула бритунка. — Если бы ты не пялился, разинув рот, на эту стигийскую кошку...

— О, Кром! — проворчал варвар. — Надо, чтобы небо обрушилось на голову, лишь тогда заставишь женщину забыть о ревности. Я, что ли виноват, что стигийка влюбилась в меня? Все вы женщины такие...